Элла мысленно выругалась. Оскорбление не было направлено на нее саму, но она была так разгневана из-за этого.

Ненавидеть Кладиса и слышать, что кронпринц из ее страны был оскорблен подобным образом, — разные вещи. Как могли сыновья дворян сказать такие слова наследному принцу своей страны?

Она и представить себе не могла, что он слышал такие слова, поэтому это было еще более шокирующим.

Но, к счастью, тело и разум Эллы часто вели себя по-разному, и ее искусные манеры изменили ее слова, превратив их в элегантные слова аристократов:

— Как может кто-то осмеливаться произносить такие богохульства в ваш адрес?!

— Все. Твой брат — один из них. Так что, пожалуйста, скажи ему, что я не один из них, как только вернешься.

Кладис выглядел немного счастливым, когда говорил это. Как будто он тоже сомневался в себе, но теперь подтвердил, что это не так. Он также, казалось, был рад видеть Эллу в гневе.

С другой стороны, Элла почувствовала легкое беспокойство в животе, когда увидела, как изменилось выражение его лица по сравнению с тем, которое было у него, когда он решительно признался ранее. Наконец-то она поняла, что он хотел сказать.

— Может быть, такого объяснения для тебя недостаточно. Может быть, ты никогда не поймешь.

— Я не знаю. Думаю, я пойму все слишком ясно.

— Да. Похоже на то. Мне кажется, что я был дураком. Единственным в мире дураком.

— Мне тоже так кажется.

Раньше ее так шокировало слово «засранец», но теперь она даже не удивилась и сразу же согласилась.

Она согласилась так легко, что казалось, будто она спрашивает, зачем нужно было говорить что-то настолько очевидное, что это рассмешило Кладиса. Настоящая Элла так отличалась от той, по которой он скучал и которую представлял.

«О чем я думал все это время?»

Кладис еще раз осознал, насколько ошибочными были его мысли. Элла была уже не юной и милой девушкой, а взрослой, гордой дамой. Она была не юной девушкой, которая заставляла его радоваться и улыбаться, а взрослой женщиной, что заставляла его сердце биться и вызывала желание прикоснуться к ее коже любым возможным способом.

«Ей было бы противно, если бы она узнала, о чем я думаю».

Поцеловав Эллу в щеку, Кладис спрятал руки за спину, пытаясь скрыть внезапное искушение. Он сжал эти руки, закончил свой смех горькой улыбкой, а затем сказал:

— Все говорили мне, что я странный. Они спрашивали, почему при виде нее я не хочу поцеловать или обнять ее. Но, честно говоря, я никогда не думал о таком с ней. Мне даже в голову не приходило взять ее за руку, если только она сама не предлагала ее мне первой.

«У подростка не было никаких соблазнов, когда девушка бросила на него все, что у нее было, чтобы очаровать его?» — удивилась Элла.

Дело не в том, что он чувствовал желание, а в том, что он подавлял его. Он говорил, что у него даже не было искушения.

Теперь Элла подумала, что может понять необъяснимую часть прочитанного отчета о Кларе. В этом отчете было много примеров того, как девушка изо всех сил пыталась завоевать сердце Кладиса, и Элле запомнилась самая удачная попытка из них.

В тот день, не слишком далеко от Недели Начала, Клара пришла к Кладису, пройдя под дождем, начавшимся поздно вечером. На ней было тонкое сорочечное платье, которое полностью промокло, и она тяжело дышала, словно бежала.

«Это было тонкое платье, обнажающее кожу, и она тяжело дышала».

Читая эту часть, Элла подумала, что Клара действительно очень старалась. Но лучше всего была реакция Кладиса, когда тот нашел ее. Он отдал ей свою куртку, а затем позвал Итана, чтобы тот проводил ее в общежитие, и отправил их обратно.

Клара даже не смогла произнести ни одного слова из того, что планировала, и ей пришлось согласиться на сопровождение Итана и вернуться в общежитие.

«Она, должно быть, потеряла дар речи от события, к которому так усердно готовилась».

Прочитав об этом, Элла почувствовала себя прекрасно от того, что нанесла удар Кларе, но это

была реакция, которая могла заставить Кладиса выглядеть евнухом. Затем она поняла, почему Итан сказал принцу такие слова.

«Я не могу винить его за то, что он так думает после увиденного».

Кладис был не только натуралом, но и типичным подростком с такими порывами, которые соответствовали его возрасту.

В романе, с тех пор как он влюбился в Люсиэллу в день ее дебюта, он пришел к ней домой, удачно поцеловал ее в саду и после этого никогда не выпускал ее из рук.

Дошло до того, что самым страшным наказанием для него было не прикасаться к Элле.

Всякий раз, когда Кладис сердил ее, и она назначала ему такое наказание, он задерживался возле нее с умоляющим взглядом. Он не мог положить на нее руку, поскольку это было запрещено, но его рука инстинктивно искала ее. Затем он возвращал ее обратно, пытаясь побороть искушение.

«Если подумать. Это очень похоже на то, за чем я сейчас наблюдаю».

Элла увидела, что Кладис стоит вдалеке после поцелуя в щеку, заложив руки за спину. На всякий случай она сделала шаг ближе, и он сделал точно такой же шаг назад.

Все было точь в точь, как и у нее, когда она сделала так ранее, чтобы сохранить безопасное расстояние.

«О? Так это и все?»

Элла уже читала о Кладисе из книги, а также ознакомилась с тем, чем он занимался, во время расследования дела Клары, поэтому теперь она поняла, что он имел в виду, сказав: «Ты и Клара разные».

Кладис не знал, что у нее на уме, поэтому продолжал исповедовать свои грехи:

— Мне просто нравилось слушать ее истории. Она говорила вещи, которые утешали меня, и признавала мою дилемму, о которой я никому не говорил. Она также сказала мне, что все в порядке. Я просто думал, что она хороший человек.

http://tl.rulate.ru/book/58874/2472896